

Представлять авторов сегодняшней полосы, по-моему, нет нужды. Они давно и хорошо известны читающей публике.

Писатели — Евгений Попов и Роман Солнцев — знают друг друга, как говорят, сто лет. Но всякий раз, когда Роман Солнцев наезжает по делам в Москву из родного им обоим Красноярска, "ностальгическая кухня" долго не выпускает их из своих стен.

А вспомнить что — есть. Например, как за участие в аудиозаписи "Метрополе" Евгения Попова отлучили от Союза писателей на долгие девять лет, и о многом, многом другом...

Е. Попов.

ва", адски сложно, хотя бы из-за того, что негде взять денег. По этой причине, например, не выходит уже год замечательный журнал Владимира Салимона "Золотой век" и берлинский "Остров", редактируемый знаменитым художником Вячеславом Сысоевым, который, кстати, печатался и в вашем журнале... Но мой вопрос в другом: не мешает ли бурная издательская деятельность твоему основному делу? Назовем его сочинительством.

Р. С. Как ни странно, весь этот вал человеческих историй всколыхнул во мне мое прошлое, воззвал к жизни то, что я прятал или просто из трусости в свое время пытался забыть, или если

десятников-романтиков" (он так выразился), я был удивлен: я думал, что это очень личная книга... А ведь в юные годы я старался кричать как раз о своем поколении: о геологах, физиках, о целине... Сейчас со смущением листаю те страницы. Что ж, умен не был, но молод был (перефразируем Пушкина).

Е. П. А что означает название — "Маленькое тайное общество"? В каком смысле "маленькое" и в каком "тайное общество"?

Р. С. Вспомни: у каждого из нас был и, к счастью, еще остался круг очень близких людей, перед которыми незачем лукавить, мнение которых для тебя важнее официальных

играть в игру. Огненная река метафор в 60-х годах у многих именно отсюда. Иносказание и метафора стали нераздельны, как Ленин и партия, говоря словами В.В. Маяковского. До смешного же доходило! Прекрасно понимая причины этой игры, цензор (или редактор) иногда всерьез копался даже в просто пышной метафоре, в какой-нибудь цветастой юношеской глупости, пытаясь всерьез понять, что же тут хотел крамольного сказать автор... А если уж точно видели хоть малый коготок, просто вырезали строки. Например, в те годы один мой сонет напечатал без последних двух строк... сохранив название "Сонет"! А вполне невинные строки о том, как мой редактор оставил на полях стихов красным карандашом вопросительные знаки, и я теперь боюсь на этой бумаге резать хлеб, потому что мне кажется — я проглотил рыболовный крючок... провалялись в столе лет десять. А в стихах, посвященных Вознесенскому:

И никто ведь не слышал, что счастье мое ушло,

И не бьют в набат пожарные батареи.

И как гуси спят, голову под крыло, Белые правительственные телефоны...

Слово "правительственные" я смог поставить на место только в 84 году! До этого правили на "сытые" и пр. Смешно!

Вот почему привычка к тайнописи, к зашифрованности, метафоре, продлившаяся и до времен "большой свободы", обернулась раздражением, и захотелось поработать почти голым слогом, белым голосом, нарастающую пашку... Но тут подстерегала другая беда — публицистика, которая трогает душу только в газете, здесь и сейчас. Я вернулся к метафоре с наслаждением, как возвращаешься в город юности, где висит не один плакат вожды, а сотни разных, где некого бояться, разве только дурака, а дурак — понятие вечное. И вообще отныне перед тобой все вечное — пропасть небытия, вдоль которой идешь, звездное небо и Бог, который, как говорят умные люди, все-таки есть. И если он есть, он простит все грехи, если только ты был искренен в жизни...

Ругаю себя за многое, заблуждался, любил и проклинал, но не лгал, страстно и корыстно. Может быть, это единственное, за что могу поручиться. А зачем стихи писал, если уже есть Пушкин и Лермонтов... не знаю. Может быть, это безумие, которому я подчинялся...

Е. П. Мне нравится еще и как построена эта книга. Четыре раздела, как четыре возраста. "Лес розовый" — 60-е годы, "Лес зеленый" — 70-е, "Лес желтый" — желчные 80-е и — "Лес белый"... Я правильно понимаю эту временную связь?

Р. С. Да, я собрал в эту книгу стихи, за которые, извини, мне не будет стыдно никогда. Во всяком случае, я сегодня так думаю... И смиренно надеюсь, что может быть хотя бы эту книгу внимательно прочтут...

Е. П. Члены жюри?

Р. С. Нет, просто читатели.

Тайное общество с Пушкиным и Моцартом

Диалог двух писателей — Романа Солнцева и Евгения Попова

Евгений ПОПОВ. Дорогой Роман, позволь тебе задать простой вопрос: что нового у нас на родине, в городе К., стоящем на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан? За исключением того, о чем пишут в газетах: о генерале Л., об олигархе Б., прилетающем к вам по ночам.

Роман СОЛНЦЕВ. Новое — невероятный всплеск интереса к подлинной жизни: к истории семей, поселков, лагерей, секретных городов... Например, я получаю массу рукописей с изложением невероятнейших сюжетов, исповеди с приложением старинных фотографий, изданные непонятно где и как полуслепые книги... Все это, наверное, потому, что у нас пока еще, слава Богу, свобода слова. Люди пишут, приносят, присылают свои фолианты, не боясь, что завтра их вызовут "куда надо". Иногда даже создается впечатление, что они спешат выговориться: жизнь коротка.

Е. П. Литературный журнал "День и ночь", который ты редактируешь вот уже седьмой год, имеет подзаголовок — журнал для семейного чтения. Его вовсю читают не только в Москве, но и в западных университетах, на кафедрах славистики. Я думаю, этот успех объясняется не только тем, что этот журнал абсолютно вне партий и литературных группировок (достаточно сказать, что на букву "А" у тебя в редколлегии Астафьев, а на букву

"С" — Стругацкий), но и потому, что практически в каждом номере есть произведения того жанра, о котором ты говоришь. Мне, например, исповедь простой крестьянки Александры Чистяковой ("Не много ли для одной") читать было куда интереснее, чем какой-нибудь роман моего профессионального коллеги. Я до сих пор жалею, что не она получила в позапрошлом году Букеровскую премию. Хотя уже то, что она вошла в шестерку финалистов, говорит само за себя.

Я понимаю, что издавать в нынешние времена толстый журнал, несмотря на упомянутую тобой "свободу сло-

и писал об этом, то вполголоса, с оглядкой... Это касается и прозы, и пьес моих, и прежде всего — стихов, ибо поэзия — есть только предельная искренность, исповедь на краю. Пока горит волшебный свет...

Е. П. Это относится и к твоей последней книге? Я имею в виду книгу стихов "Маленькое тайное общество", которую вдруг обнаружил в перечне произведений, выдвинутых на Государственную премию.

Р. С. К этой книге в первую очередь и относится. Когда один мой коллега сказал мне, что вот, наконец, я написал книгу о своем поколении, "шести-

Р. Солнцев.

отзывов. Конечно, в этом названии есть и доля иронии — нас всю жизнь пугали "тайными обществами". А то, что в это "тайное общество" попали и Пушкин, и Моцарт, так ведь каждый волен преклоняться перед своими кумирами...

Е. П. Ну да, статья Андрея Платонова к пушкинскому юбилею 37-го года так и называлась "Пушкин — наш товарищ".

Р. С. Но, может быть, слово "тайное" несет и вполне серьезный смысл. Дело в том, что мне, как и многим из нас в юные годы, в силу обстоятельств тогдашнего политического уклада, приходилось зачастую шифровать мысли, которые казались крамольными или просто даже интересными. То есть работал внутренний цензор. А уж цензура государственная, особенно в провинции, была подозрительна, как тогдашняя Гб, и зубаста, как борона. Вот и приходилось

Борис КУДРЯВОВ